

ДЛЯ НАШИХ МАЛЕНЬКИХ ДРУЗЕЙ

ПОВАДКИ СИНИЧЕК

ПТИЧЕК-

ИВАН ГАУСТОВ.

Смастерил я кормушку для птиц. Укрепил у окна. На завтраки, обеды сыпал хлебные крошки, пшено, крупы, семена ясеней, кленов, можжевельника, семечки тыкв, подсолнечника. На сладкое выдавал сушеные ягоды вишен, калины, боярышника. Изредка — сушеных жуков, пауков, муравьиные яички, мясной фарш, измельченное свежее сало.

Столовая работала в определенные часы. Птицы этот порядок прекрасно усвоили и слетались к кормушке к назначенному времени. Если сроки работы столовой нарушались по моей вине — столовщики устраивали шумные протесты. Самые смелые назойливо стучали клювиками в окно.

На первых порах у меня питались: воробьи, синицы, щеглы, поползни. Все шло хорошо. Птицам было хорошо, и мне приятно за ними наблюдать. Но провели про кормушку галки, голуби, сойки, вороны, и, пожалуйста, в столовой начались беспорядки. Большие разгоняют, бьют маленьких. Сами все поедают. Сойки норовят что-то с собой утащить.

Нехорошо, очень нехорошо. Подумал я, подумал и устроил другую кормушку, побольше, и установил ее на столбике поодаль от окна.

В эту кормушку, сообразуясь с аппетитами больших птиц, я выкладывал

остатки обеда. И что же? Получилось отлично. Мелкота толчется в маленькой кормушке. Большие, сильные птицы обедают в большой. Никаких драк, недоразумений, претензий ко мне. Успокоился я.

Принялся вести постоянные наблюдения за пернатыми столовщиками. И вот однажды вижу: на веточку сирени, под окном, присели две синицы. Из породы тех, что в конце февраля первыми из всех наших птиц поют радостную песенку наступающей весне. Одна из птах посolidнее, спокойнее в движениях. Другая — вертушка. Догадался: мать и дочка.

В этот день я на обед положил в маленькую кормушку кусочки сала. Синица-мать тотчас заметила лакомую еду, но сразу на нее не набросилась. Тинькает, чего-то опасается, а глазенки-бусинки так и поблескивают. Синица-доченька никогда не ела сала, но была очень заинтересована содержимым кормушки.

— Мамочка, что это лежит? — пискнула меньшая синица.

— Разве не видишь — сало!

— А его едят?

— Еще бы. Оно такое питательное.

— А почему мы не едим сало?

— Гляжу, не было бы какого подвоха.

— А что такое подвох?

— Мне стыдно за тебя. Вспомни — тебе семь месяцев!

— Ты так часто читаешь мне мораль. Все же, что такое подвох?

— Просто сил моих нет...

При этих словах большая синица перепрыгнула в кормушку, отведала сала, посмаковала. Потом громко тенькнула:

— Доченька, иди ешь. Сало прекрасное!

Маленькая синица мигом очутилась подле матери, и я тут же услышал, как обе птички бойко постукивали клювиками о деревянное дно кормушки.

Другая сценка у кормушки. На дворе снег. Морозит. На той же сирени

разместились воробьи. Промерзли, наохлились. Кто-то из молодых чивикает:

— Чуть жив. Чуть жив. Неведомо откуда пожаловали снегири. Некоторые натуралисты называют их «российскими жар-птицами». Головки, крылышки, хвостики — иссиня-черные. Рубашки-косоворотки малиновые. Пояски белые. Взгляды веселые, озорные. Жаль, что эти щеголи бывают только пролетами. От нечего делать снегири принялись подтрунивать над воробьями:

— Смотрите, ребята, на воробьев. Телогрейки у них старые, испачканные!

— Скупаются новые приобрести.

— Мерзнут городские тряпичники!

— Поделом им, домоседам!

Воробьи страшно обиделись и бросились в драку. Но молодцы-снегири задали им такую баню, что пришлось улетать в разные стороны.

И еще наблюдение. Опустела столовая. Стало вечереть. Как вдруг прилетел к большой кормушке одинокий ворон. Осмотрелся — пусто. Однако сидит, молчит, не улетает. Я говорю ему:

— Не опаздывай, друг. Помни: семеро одного не ждут.

А ворон сидит, ждет чего-то. Что делать? Пришлось отрезать кусочек вареной говядины и бросить в кормушку:

— Получай, старичок, свою долю!

Да, хлопотливое занятие кормить зимующих птиц, но полезное, приятное. Вспомните — только одна пара синичек в течение летнего дня способна уничтожить в саду, в лесу, в парке свыше тысячи штук вредителей-насекомых. Другие наши пернатые друзья за каждую кроху пищи, съеденную у нас в кормушке расплачиваются с нами сторицею.

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

Я сижу на берегу небольшого, одичалого пруда. Вижу: метрах в трех от берега возится в воде чумазый мальчуган.

Вдруг он быстро выпрямился, выбросил одну руку кверху и замер.

Смотрю — на одном из пальцев висит большущий зеленый рак. Он нервно дергает хвостом-лопаточкой, шевелит длинными усами и свободными лапками.

— Глядите, какое чудище поймало меня клешней за палец! — восторженно воскликнул мальчик.

— А я думал ты рака поймал в норе, — удивился я.

— Какое там, — возразил малец, — я искал в грязи свой сандалий — а рак хватя меня за палец и держит! Вот он какой зверь!

Мы оба самозабвенно созерцаем рака,

который от нечего делать схватил мальчугана за палец. Проходит добрых десять минут. Мальчишка стоит в воде с вытянутой рукой. Рак висит на пальце. Наконец ему надоело это гимнастическое занятие. Он разжал большущую сильную клешню и плюхнулся в воду. «Раколов» погрузился в изучение красного рубца на пальце.

— Прокусил? — поинтересовался я.

— Еще чуточки и прокусил бы до кости, — спокойно ответил мальчик.

Я в недоумении покачал головой. Мальчуган продолжал:

— Я слышал от дедушки, что раки ночью выбираются на берег и пожирают падаль с костями.

— Ну так что?

— Любопытно было проверить —

откусит палец или нет...

— Ну и ну!— вырвалось у меня. Испытатель мощи рака преспокойно облизал поврежденный палец и принялся ловить проворных жуков-вертячек. Поймает, поднесет почти к носу и пристально рассматривает. Осмотрел, вернее, исследовал он с десятков вертячек. Потом, вздохнув, заметил:

— Удивительные жуки. Круглые, как орешки. Никак не пойму, где голова, где хвост?!

Надоели парнишке вертячки-непоседы, и он перенес свое пристальное внимание на голубых и зеленых стрекоз.

Поймает легкокрылую красавицу, ощупает, осмотрит глазастую головку, потрогает брюшко, нитевидные ножки, отпустит. Изловит другую, третью так же исследует. При этом причмокнет, оближет языком губы, прошепчет что-то про себя.

— Очень полезные насекомые,— заметил я,— уничтожают мошек, комаров...

— Притворяшки, — уверенным тоном перебил меня исследователь,— только делают вид, что уничтожают разных кусачек, а сами дурака валяют.

— Что ты говоришь?! — в свою очередь горячо возразил я.

— То, что вы слышите. К примеру: я сплю дома в палисаднике. Там комары жрут меня до утра, а стрекозам хоть бы хны. Жулье!

При этих словах он с сердцем бросил в воду горсть пойманных стрекоз.

Наконец мальчик выбрался на берег. Он был мал ростом, худощав, в густых конопатках. Глаза большие, жадные до всяких диковинок. Желтоватая майка, трусики испачканы илом и зеленью водорослей. На ноге — разбухший сандалий.

— Как тебя зовут?— спросил я.

— Андрейка.

— Почему ты не разделся, не разулся отправляясь в воду?

— Некогда было. Надо было изловить ужа.

— Но дома тебе влетит?

— Похоже, что влетит,— преспо-

койно ответил Андрей.

Пообсохнув немного, Андрейка стащил с ноги одинокий сандалий и забросил его в камыши.

— Семь бед — один ответ,— проговорил он тоном взрослого.

Потом вытащил из зарослей лопухов две литровые банки с водой. В одной, свернувшись спиралью, лежал большой серый уж. В другой — перемешались головастики, мальки, лягушата, водяные жуки.

— Для чего тебе столько живности?— изумился я.

— Хочу проверить — точно ли уж живет 50 лет?— ответил Андрей.

— Как это ты проверишь?

— Буду ужа кормить, кормить. Он будет жить, жить, а я тем временем стану время учитывать.

Глядя вслед испачканному илом и зеленью мальчугану, я думал:

— Получится из этого постреленка естествоиспытатель. Ей-богу, получится!